

С. О. Шмидт

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИИ РОССИИ

ТОМ 2

От Карамзина до «арбатства» Окуджавы

КНИГА 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

ББК 63.3(2)4-3в6
Ш 73

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Шмидт С. О.

Ш 73 Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн. 1. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 576 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 978-5-9551-0174-3

Книга избранных трудов видного историка и культуролога академика РАН советника РАН С. О. Шмидта включает работы по истории и культуре России XVIII—XX вв., о взаимодействии исследований исторического и литературоведческого жанров, о приемах извлечения информации, о культуре России из памятников письменности, и прежде всего художественной литературы. Статьи по методологии и теории познания объединены в раздел «В контексте источниковедения». В разделе «Памятники художественного слова и их создатели в культуре России XVIII—XX столетий» два комплекса работ с заголовками «Век культуры городского сословия» — где особенно много материала о жизни и творчестве Карамзина и Пушкина — и «Двадцатое столетие». Многообразие характерно и для раздела «Изучение и восприятие памятников культуры» и примыкающей к нему подборки отзывов на труды других авторов.

Книга рассчитана на культурологов, историков, литературоведов, преподавателей вузов, музейных и архивных работников.

ББК 63.3(2)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0174-3

© С. О. Шмидт, 2009
© Языки славянских культур, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	8

В контексте источниковедения

Документальные памятники в сфере развития культуры	9
«Устная история» в системе источниковедения исторических знаний	15
Художественная литература и искусство	
как источник формирования исторических представлений.....	27
Памятники художественной литературы	
как источник исторических знаний.....	30
Историографические источники и литературные памятники	44
Архивный документ	
как историографический источник.....	51
Архивы истории (предисловие к сборнику РГАЛИ «Встречи с прошлым»).....	81
Архивы и историки-любители	87
Сельские церковно-приходские летописи	
как историко-краеведческий материал.....	94
Усадьбоведение и краеведение.....	114
Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов	128
Источники по историографии краеведения	143
Российское зарубежье в системе общественного сознания и культуры России	156
«Феномен Фоменко» в контексте изучения	
современного общественного исторического сознания.....	159
Предисловие к переизданию статьи о «Феномене Фоменко» в виде книги.....	202
Беседа 1990 года журналиста с историком.....	212
Слово к учителям истории.....	217
«О редакции и не только о ней»	221
«Свеча бы не угасла...»: Археографической комиссии — полвека	231

Век культуры «благородного сословия»

Общественное сознание noblesse russe в XVI — первой трети XIX века	241
Русские литераторы и российская дипломатия	260
Вельможный «археолог» Алексей Иванович Мусин-Пушкин	280
Н. М. Карамзин и его «История государства Российского»	304
«Примечания» в книгах	
«Истории государства Российского» Н. М. Карамзина —	
века в развитии исторической науки и книжной культуры.....	345
«История государства Российского» Н. М. Карамзина	
в контексте истории мировой культуры	348
«История государства Российского» в культуре дореволюционной России.....	364
«История государства Российского» Н. М. Карамзина	
в культуре российской провинции	391
Подвиг наставничества.	
В. А. Жуковский — наставник наследника российского престола	406
<i>Приложение.</i> Предисловие к изданию статьи «Подвиг наставничества.	
В. А. Жуковский — наставник наследника российского престола»	
отдельной книгой в 2000 году.....	444
К истории слова «интеллигенция»	447
Московское детство Пушкина	456
Лицейская дружба поэта и дипломата: Пушкин и князь Горчаков.....	472
«У Харитонья в переулке», «в Москве, живет у Симеона...» —	
социотопографические приметы Москвы в «Евгении Онегине».....	498
«Архивны юноши толпоу...»	510
Пушкин и Карамзин	541
Пушкин и «Слово о полку Игореве».....	555
Пушкин на пороге нового тысячелетия.....	562

В КОНТЕКСТЕ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ОТ АВТОРА

Принцип отбора материалов для этого издания избранных трудов обосновывается в авторском предисловии к первой книге двухтомника «Памятники письменности в культуре познания истории России», изданной в 2007 г. В этом — втором — томе объединены, как и в первом томе, озаглавленном «Допетровская Русь», труды и собственно исторические по тематике (государственно-политической история, история общественного сознания и отечественная культура), и о путях постижения знаний об этом — о методологии и методике исследований, особенностях источниковедческого мышления историка (особенно в первом разделе этой книги, имеющем и соответствующий заголовок — «В контексте источниковедения»).

В книгах второго тома — написанное о памятниках отечественной истории XVIII—XX веков, об их изучении и распространении знаний об этом и предшествовавшем времени. Материалы распределены по разделам и внутри их по историческим тематико-хронологическим признакам. Это работы разных лет, разных жанров (и научно-исследовательского, и научно-популярного, и публицистического), рассчитанные на разных адресатов.

Публикуемые тексты являются историографическими источниками, отражающими и уровень знаний, и общественно-политическое сознание определенных лет. И оттого при переиздании не вносятся никаких изменений, кроме унификации научного аппарата в соответствии с современными правилами. Немногие уточнения, исправления, объяснения отмечаются в квадратных скобках. Научные тяготения и представления автора не оставались неизменными, и потому прилагается Хронологический перечень работ, опубликованных в книгах этого тома.

Автор глубоко признателен тем, кто включил эти его труды в Федеральную целевую программу книгоизданий, руководителям и редакторам издательства «Языки славянских культур», ближайшему помощнику в работе в последнее десятилетие А. В. Мельникову, а также принимавшему участие в подготовке этого издания другому моему ученику и помощнику А. В. Топычканову.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ*

Статья Б. Б. Пиотровского «Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения» начинается словами: «Характерной чертой истории культуры является обязательное использование и переработка культурного наследия прошлых эпох, ибо главнейшим условием развития общества необходимо признать непрерывность передачи опыта и знаний от одного поколения к другому»¹. В наше время в этом процессе сохранения и передачи культурного наследия от одного поколения к другому, из одной социокультурной среды в иную, из одного региона в другой основную роль играют документальные памятники.

Всякая терминология условна. Это объясняется не только полисемичностью слов и изменением во времени смысла тех или иных понятий, но прежде всего тем, что всякие дефиниции — короткие определения — не могут, как правило, дать исчерпывающего представления о явлении, выделяя обычно одну или лишь некоторые его стороны. Дефиниции, однако, необходимы и удобны в обыденном употреблении и ученых специалистов, и самой широкой публики. Но «надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию»².

В данной статье (так же как и в ранее опубликованных работах автора) термин «документальный памятник» рассматривается как подкласс термина «памятник истории и культуры», имеющий признак, отличающий его от других видов памятников (например, памятников археологии, изучающей главным образом вещественные — или, как их называют в музеях, вещевые — исторические источники; памятников архитектуры; памятников естественной истории и т. д.), т. е. обладающий видовым, а не ценностным или временным отличием от других подклассов более широкого понятия. Это — и термин культурологии, подразумевающей под культурой все созданное человеком (и рассматривающей ее в оппозиции к «натуре», т. е. природе).

В принятом в науке — и в данной статье — смысле слова под документом подразумевается материальный объект с информацией, закрепленной созданным челове-

---

* Впервые опубликовано: Мировая культура. Традиции и современность (сб. памяти академика Б. Б. Пиотровского). М., 1991. С. 25—30.

ком способом для ее передачи в пространстве и (или) во времени³. Историки (а также работники архивов, музеев) под документом понимают материальный носитель информации (бумага, фото- и киноплёнка, магнитофонная лента, перфокарта и др.), зафиксированной словом, изображением, звуком и т. д. Соответственно они имеют дело с письменными документами, изобразительными документами, фотодокументами, аудиовизуальными документами (звуковыми и изобразительными одновременно). Таким образом, все письменные и графические документы — рукописи, машинопись, печатные издания, кинофотоматериалы и звукозаписи, признанные достойными государственной охраны (т. е. хранения в государственных хранилищах или учета государственными органами охраны памятников), могут быть отнесены к документальным памятникам. Терминоэлемент «документальный» подчеркивает отличительные видовые особенности этой части историко-культурного наследия.

Принятое в данной статье толкование понятия «документальный памятник» соответствует терминологии Закона СССР и Законов союзных республик об охране и использовании памятников истории и культуры, терминологии музейной практики и теории (отраженной, в частности, в словаре «Музейные термины»⁴), в изданиях АН СССР, ЦК ВЛКСМ, обществ охраны памятников истории и культуры и книголюбов, Советского фонда культуры, в учебных и методических пособиях для высшей и средней школы (в 1988 г. издано учебное пособие «Документальные памятники: выявление, учет, использование», предназначенное для студентов, обучающихся по специальности «история») и т. д. Такое толкование термина утвердилось в широкой прессе — в газетах, массовых журналах, в радио- и телепередачах.

Нетрудно убедиться в том, что термин «документальный памятник» принадлежит к сфере понятий общеупотребительных, которые перестали быть достоянием лишь языка науки или круга специалистов только единой отрасли знаний. И желательно придерживаться дефиниции, достаточно широко распространенной, ставшей привычной. На это приходится обращать особое внимание, так как в архивоведческой литературе в последние годы обосновывается иное понимание термина «документальный памятник», в основе которого не видовой признак, определяющий сущностные свойства объекта и сущностные его отличия от других объектов, а только ценностная категория, восходящая к тому же родовому понятию «документ». При этом, ограничиваясь размышлениями в сфере архивоведения и источниковедения (а также терминоведения), не предлагают нового термина, способного заменить термин «документальные памятники» в общей системе терминов памятниковедения и шире — всей нашей культуры⁵.

Документальные памятники в наше время массовой грамотности, распространения кино и телевидения несут главную информационную и познавательную нагрузку в спектре наших сведений об обществе (в том числе ретроспективных) и о природе, о культуре (во всех ее сферах) и ее развитии.

Такое понимание пришло уже давно: это сознавали инициаторы создания и хранители библиотек сочинений классической античности — Древней Греции и Древнего Рима (и прежде всего знаменитого Александрийского мусейона), авторы и переписчи-

ки Ветхого завета и Нового завета, творений писателей древних Китая и Индии, другие мыслители и знатоки прошлого культурной эйкумены древности. И мысль, красиво сформулированная средневековым европейским автором Ричардом де Бери: «Вся слава мира покрылась бы забвением, если бы не было создано противоядие для смертных — книги»⁶, вряд ли казалась оригинальной его современникам.

Но в исторической реальности так было не всегда. В нашей стране до Великого Октября при малой грамотности ее жителей и слабой технической оснащенности, затрудненных связях между разными регионами (особенно отдаленными друг от друга огромными расстояниями), при разноязычии народов документальных памятников было еще сравнительно немного и они оставались недоступными большинству населения (что обуславливало в определенной мере и общий невысокий культурный уровень народных масс). Приобщению народа к историческому творчеству сопутствовало и обращение его в большей степени к документальным памятникам. Тем самым становится ясной особая роль документальных памятников не только в запечатлении жизни общества и явлений культуры, но и в развитии самой культуры, в распространении ее в широких слоях населения.

В постепенном развитии источниковой базы истории человечества можно выделить две революционные эпохи⁷, обе они связаны с огромным возрастанием роли именно документальных памятников в общественной жизни и культуре. Это Возрождение в Европе XV—XVI вв., **время начала распространения печатных источников, а также гравюр.** Книгопечатание сыграло ни с чем не сравнимую роль в развитии науки — **В. И. Вернадский полагал, что «мы можем и должны начинать историю нашего научного мировоззрения с открытия книгопечатания»⁸.** Вторая эпоха началась на рубеже XIX и XX вв. Это время распространения телеграмм, телефонограмм, радио (прежде всего, читаемого текста), кино, телевидения (и невиданного прежде увеличения объема и многообразия печатной продукции). Документальные памятники — важнейший источник познания мировидения не только образованных людей, но и тех, кто не имел доступа к письменной культуре⁹ в прежние времена, а также всех факторов так называемой массовой культуры, воплощенной в иных типах источников.

Особенно полно сохраняются и познаются элементы (или даже рудименты) прошлого в культуре последующих лет при наличии документальных памятников — подлинников прежнего времени (напомним об особом значении в этом плане дощечек с клинописью и папирусов в странах Древнего Востока, берестяных грамот Древней Руси) или памятников, запечатлевших данные о прошлом.

В плане исторической информации (особенно ретроспективной) документальные памятники, помимо своей как бы непосредственной функции (для историков — информации об исторических явлениях: событиях и людях, образе жизни и культуре, природных условиях и т. д.), содержат нередко информацию и о других видах памятников истории и культуры, о других типах исторических источников¹⁰: вещественных, поведенческих, изобразительных, о разговорном языке и пр. (описание, упоминание, даже изображение или воспроизведение иным путем, например устной речи, и т. п.),

а также о других документальных памятниках (иногда даже включают фрагменты их, что особенно важно для работы текстологов). Информация эта бывает уникальной. Она может оказаться ключом для археологов при планировании раскопок, для историков техники при исследовании старинных сооружений, машин (или их проектов). Она необходима при восстановлении разрушенных зданий, мемориалов, при составлении «Свода памятников истории и культуры». К ней обращаются художники слова, кисти и резца, мастера театра и кино и т. д.

В документальных памятниках обнаруживаются данные и о происхождении и особенностях других видов памятников, их функционировании и судьбе, их выявлении и изучении (в частности, сведения о музейных предметах)¹¹. Именно в документальных памятниках фиксируются данные о среде бытования музейного предмета или архивного документа, книги, т. е. о социальной или природной среде, в рамках которой предмет взаимодействует с человеком и другими предметами до включения его в музейное, архивное, библиотечное собрание.

Только документальные памятники способны передать информацию обо всех других видах памятников истории и культуры (даже воспроизвести внешний образ некоторых из них) и позволяют, вследствие этого, с наибольшей мерой основательности выяснить степень близости памятников прошлого (причем всех их видов) и последующего времени. Документальные памятники, таким образом, являются основной источниковой базой памятниковедения.

Следовательно, документальные памятники в определенной мере полифункциональны, причем в отношении познания и прошлого времени и настоящего. Тем самым они становятся важным источником при изучении всех видов памятников.

Поскольку непосредственным материальным воплощением мышления является слово, оно несет в обществе основную культурную и познавательную нагрузку. С распространением грамотности наибольшим информационным потенциалом стали обладать памятники письменности. Они же стали восприниматься и как наиболее достоверный (так сказать, документальный) источник информации. Словесные источники привычнее и доступнее других видов источников восприятию и самого историка и тех, на кого рассчитаны его печатные труды и устные выступления. Ведь всю информацию, получаемую из этих источников, мы все равно стараемся «перекодировать» в слово.

Слово — язык всех и для всех. Причем настолько общепринятый и привычный, что он становится препятствием к восприятию информации иными путями, из первоисточников иного типа. Прямую информацию из этих источников сразу и непосредственно получают лишь немногие специалисты, способные без выражения информации в слове составить представление о тех или иных явлениях: археологи по вещественным памятникам или фрагментам их могут зачастую сразу же уяснить себе особенности, дату, происхождение того или иного явления или памятника, как музыкант-профессионал слышит музыку, читая ноты, а врач-кардиолог видит состояние сердца больного по электрокардиограмме. Но и они все в конечном счете выражают и фиксируют свои

суждения опять-таки с помощью слова, даже при обращении к посвященным в тайны их науки, мастерства.

Устное слово, однако, переменчиво и недолговечно. Память изменяет человеку со временем; явления прошлого модифицируются в сознании не только новых поколений, но и одного и того же поколения и даже одного и того же человека. И. Бунин писал: «Из древней тьмы на мировом погосте звучат лишь письмена».

С появлением звукозаписи свойство это обрело и устное слово. Но и звукозаписи, и фото- и кинокадры — изобразительные источники, играющие все более значительную роль в сохранении представлений о прошлом (а для будущих поколений о нашем настоящем) — это все подклассы вида «документальный памятник».

И потому-то так велико историко-культурное значение создания документальных памятников о других видах памятников истории и культуры и их использовании. Теперь получили распространение документальные аудиовизуальные памятники, совмещающие звучащее слово и изображение, — кино- и телефильмы. Таким путем пришел в дом к миллионам людей Эрмитаж, пришел и к тем, кто иначе никогда бы не увидел этот знаменитый музей. Узнали о внешнем облике Эрмитажа, его истории, его сокровищах, его многолетнем директоре — исследователе и просветителе, предварявшем своим словом телепередачи. И сериал об Эрмитаже стал не только источником познания культуры прошлого, но и источником восприятия культуры современной — отношения наших современников, и прежде всего одного из знаменосцев современной культуры и науки, к культурному наследию. А ведь телесериал об Эрмитаже — тоже документальный памятник истории и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пиотровский Б. Б. Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения // Новая и новейшая история. 1976. № 1. С. 93.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.

³ См.: Хашира Э. И. Что такое документальный памятник (К постановке вопроса) // ИСССР. 1988. № 2. С. 80.

⁴ См.: Музейные термины // Терминологические проблемы музееведения: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 93. Сост. слов. Ю. С. Пищулин и др.

⁵ Подробнее см.: Шмидт С. О. Документальные памятники в системе памятниковедения // ИСССР. 1989. № 5. С. 112—120.

⁶ Цит. по: Добиаш-Рожественская О. А. История письма в средние века. М., 1987 (эпиграф).

⁷ См.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 33.

⁸ См.: Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 85.

⁹ См.: Гуревич А. Я. «Ехеμπла» — литературный жанр и стиль мышления // Монтаж: литература, искусство, театр, кино. М., 1988.

¹⁰ Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 3—24.

- ¹¹ *Седельников В. О. Архивные документы в изучении музейных коллекций и других областях работы музеев // Музееведение: Проблемы использования и сохранности музейных ценностей: Сб. науч. тр. НИИ культуры Мин-ва культуры РСФСР. М., 1985. № 136.*

«УСТНАЯ ИСТОРИЯ» В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ *

Организация нашей встречи в Советском Союзе, в Московском государственном историко-архивном институте — показатель существенных изменений и в мире и внутри нашей страны. Становится все очевиднее, что культура и наука, как одна из сфер ее, относятся к общечеловеческим ценностям. И здоровое развитие культуры возможно лишь при совместной работе людей разных стран, разных общественных взглядов, разных научных школ, не при противостоянии разномыслящих, а при их творческом взаимодействии. Монолог, когда каждая из сторон больше слушает себя и заинтересована лишь в поддержке своих сторонников, не способствует движению вперед. Пришло осознание того, что наступила пора диалога и взаимного обогащения знаниями.

Мы собрались в старинном здании Историко-архивного института, как бы символизирующем значение печатного слова и его распространения, получаемой таким путем информации. Это бывший Печатный двор XVII столетия — главное издательство и книгохранилище России времени, предшествовавшего правлению Петра Великого. На этом месте, видимо, была и типография российского первопечатника Ивана Федорова, выпустившего в 1564 г. первую датированную книгу «Апостол». И памятник первопечатнику поэтому совсем рядом. Здесь печаталась позднее и первая российская газета.

Написанное и особенно напечатанное слово сделало возможным распространение — более или менее широкое, вплоть до массового — того, что знают один или немногие. Слово — не просто путь к познанию. Это единственный всеобщевоспринимаемый путь к познанию, к взаимопониманию. Данные и о прошлом и о настоящем мы постигаем на основании изучения исторических источников, т. е. всего того, что может источник информации, полезную для историка. И хотя нам известны исторические источники разных типов — вещественные, изобразительные, поведенческие и другие — и источником исторической информации могут быть вещь, изображение, жест, звук, яв-

---

* В основе статьи выступление на Международном семинаре по устной истории МГИАИ 3 октября 1989 г. Впервые опубликовано: Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 98—108.

ления природы, всякая информация становится доступной многим лишь тогда, когда она выражена словом, перекодирована с помощью слов.

Словесные источники — устная (разговорная) речь, каким-либо образом зафиксированная, фольклор, памятники письменности, звукозапись, а теперь уже и аудиовизуальные памятники, с целью их сохранения, использования и изучения сосредоточиваются в архивах, библиотеках, музеях, причем самых разномасштабных — от огромных национальных государственных до общественных и частных. Архивы называют памятью человечества.

В России основные кадры для работы в архивах и в других хранилищах документальных памятников готовит как раз наш Историко-архивный институт. Впрочем, многие его выпускники работают в научно-исследовательских академических учреждениях, преподают в высшей школе, прежде всего в самом МГИАИ, трудятся в сфере журналистики. В 1990 г. институту исполнится 60 лет. Институт, как сейчас становится все очевиднее, сыграл немалую роль в сохранении традиционных фундаментальных научных знаний и в совершенствовании приемов методического мастерства даже тогда, когда историю пытались откровенно идеологизировать и политизировать. Здесь же были организованы особые кафедры и истории архивного дела, и его теории и практики, вспомогательных (или специальных) исторических дисциплин — источниковедения, палеографии, хронологии и др., кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, археографии, документоведения. И на некоторых кафедрах плодотворно работали видные специалисты, в том числе из Академии наук СССР — среди них мой учитель, основатель Археографической комиссии академик М. Н. Тихомиров, который здесь читал лекции, ставшие основой первого учебного пособия по источниковедению отечественной истории до XIX в., здесь преподавали — некоторые долгое время — академики С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, будущий академик Л. В. Черепнин, такие известные ученые, как профессора П. П. Смирнов, А. И. Андреев, В. К. Яцунский, А. А. Новосельский, Н. В. Устюгов, П. А. Зайончковский, Н. Л. Рубинштейн, С. Л. Утченко, И. Л. Маяковский, А. В. Чернов и другие, из более молодых — А. А. Зимин, А. Ц. Мерзон, М. Н. Черноморский, Ю. Ф. Кононов, Н. П. Ерошкин и другие — называю только ушедших из жизни, но их имена накрепко остались в истории науки.

В последнее время в Историко-архивном институте все большее внимание уделяется изучению устной истории. Поэтому не случайно мы собрались именно здесь. Этот интерес к устной истории, конечно, отражает в определенной мере характерное для современных архивов во всем мире понимание все возрастающего социокультурного значения таких памятников истории. Данные об этом суммированы в умело составленном (но, к сожалению, малотиражном) аналитическом обзоре «Устная история в зарубежных архивах», подготовленном во Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и научной информации (ВНИИДАД) при Главном архивном управлении СССР В. М. Виноградовым и В. Н. Гармаш¹; там указана наряду

с зарубежной литературой и советская литература последних десятилетий, относящая к этой проблематике.

Но, что важно подчеркнуть, это и свидетельство все большего внедрения того, что специалисты называют «УИ», вообще в сферу современной культуры, в представление массового сознания об источниках информации и организации этой информации и, соответственно, о важности ее сохранения.

Это показатель демократизации и наших представлений о субъектах истории: повседневная история народа кажется теперь не менее важной, чем государственные деяния выдающихся личностей, социоэкономическая и социокультурная история — заслуживающей отнюдь не меньшего внимания, чем государственно-политическая. Да и о событиях государственно-политической истории начинаем судить ныне, опираясь уже не только на декларации и мемуары государственных деятелей и официальную документацию, оказывающиеся зачастую на поверку откровенно тенденциозными. Историки перестали сосредоточивать внимание лишь на избранных народах или на том, как складывались их взаимоотношения с другими народами, которые долго характеризовали как неисторические. Самостоятельный и все возрастающий интерес вызывает и собственно история таких народов.

Особое значение для нашей страны имеет, конечно, и то, что ныне, в наступившую эпоху гласности (а этот термин применительно к Советскому Союзу прочно вошел в труды и зарубежных ученых и публицистов) возрождаются отечественные традиции устной истории, восходящие к творческим опытам 1920-х годов.

В Историко-архивном институте образовался клуб «Устная история», возглавляемый участником нашего семинара доцентом В. О. Седельниковым, работающим в тесном контакте с обществом «Мемориал» и Советской ассоциацией молодых историков (САМИ). Постоянно происходят вызывающие широкий интерес встречи с пожилыми людьми, знакомящими с биографией своей и с биографией страны. Даже с единственным оставшимся в живых членом первого образованного в 1917 г. Всероссийского центрального исполнительного комитета и его президиума И. Я. Врачевым, испытавшим затем то, что испытало в годы сталинщины большинство других членов ВЦИК. В. О. Седельников организовал интервьюирование и ветеранов советского архивного дела.

Студенты все действеннее включаются в полевую работу по организации и сбору источников устной истории. Несколько лет работают археографические отряды наших студентов, организованные Археографической комиссией Академии наук СССР и Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Они не только помогают выявлению и описанию традиционных памятников письменности, сосредоточивающихся в архивах и музеях, но и записывают устные рассказы, фиксируют на магнитофоне беседы с фондообразователями или их наследниками. Такие отряды работали в нескольких областях Европейской России. В 1988 г. во Владимирской области они фиксировали воспоминания уцелевших узников сталинских концлагерей, в 1989 г. на юге страны — воспоминания тех, кто пережил насильственную колонизацию и вы-